

К вопросу об исследовании маргинальных групп позднесредневекового общества в историографии ФРГ в 70-е-90-е годы XX века

Сурта Е.Н., канд. ист. наук,
доцент кафедры древних цивилизаций
и средних веков БГПУ, Минск

Изучение процессов маргинализации и стигматизации представляется важным для понимания эпохи Позднего средневековья. Актуальность исследования процессов маргинализации обусловлена важностью для изучения и осмысления исторического процесса концепции социально-исторической антропологии, базирующейся на освещении социально-культурной эволюции и стремящейся к изучению человека во всех его измерениях, к изучению его образа жизни, менталитета, норм поведения. Согласно принципу культурно-антропологического подхода к числу исторически значимых факторов относятся не только «события» из сферы политической и экономической жизни, но и явления и процессы социально-психологического, культурного и ментального характера, особенности мировосприятия.

Рассматриваемое проблемное поле базируется на определённой системе понятий, которая непосредственно связана со средневековым обществом и его комплексом норм и поэтому требует некоторого пояснения. Речь идёт о таких понятиях, как маргиналы, изгои, отверженные, меньшинства, бесчестность, маргинальность и стигматизация как факторы статусной деградации. Это современная терминология, с помощью которой пытаются раскрыть и описать соответствующие общественные отношения. При этом, некоторые понятия не имеют чётко установленного значения. К этому относится, например, понятие «маргиналы», которыми в научной литературе называют очень широкий социальный спектр лиц и групп позднесредневекового общества, поражённых в экономических и юридических правах, а также имеющих физические недостатки: от лиц позорных профессий, до ведьм, еретиков и содомитов, а также криминальных элементов и даже городского плебейства Позднего средневековья.

Фактически до окончания Второй мировой войны исследование маргинальных групп ещё не относилось к канону академических дисциплин. К исследовательскому приоритету принадлежали ориентированное на национально-государственное мышление изучение документов и регест, а также специальные исследования о средневековых правителях и политической истории Германии в соответствующий период [20, с. 19].

В семидесятые и восьмидесятые годы исследования в ФРГ обратились к количественно-статистическому анализу экономических структур и ориентированному на низшие слои общества изучению социальной истории и топографии средневековых городов [10; 11; 12; 33; 40; 41; 24; 26; 16; 18; 17; 23]. Кроме того, были опубликованы различные монографии о представителях «бесчестных» профессий: о лекарях [34], о музыкантах в Шлезвиге, Гольштейне и

других регионах [42; 43; 44], о палачах в Северо-Западной Германии [57; 58] или о бродячих музыкантах [48].

Примерно с 1980 года в ФРГ усилился интерес к исследованию процесса маргинализации и социальной деградации в рамках изучения **«истории повседневности»**, научное поле которой находилось за кулисами «большой» государственно-политической истории, и в фокусе которой таким образом оказались условия жизни находившихся ранее в тени слоёв населения.

Понятие **«маргинальная группа»** впервые в дефинированном виде было включено в исторический дискурс в ФРГ в 1981 году. Опираясь на социологические исследования Сюзанны Карштедт (Susanne Karstedt) [27], Франтишек Граус (František Graus) сформулировал следующее определение маргинальной группы: «Лица или группы, которые не признают или не соблюдают либо не могут соблюдать нормы общества, в котором они живут, и на основании данного отклонения или неспособности (вследствие так называемого не конформного поведения) не воспринимаются большинством как равноправные» [13]. Хотя в основе данного определения лежало представление, что процесс социальной деградации в первую очередь был обусловлен ценностями, нормами и формами поведения большинства общества, однако возникало впечатление, что Ф. Граус пытался искать причины маргинализации собственно в поведении маргинализуемых. Также словосочетание «не конформное поведение» само по себе не безукоризненно, так как отклоняющееся поведение не обязательно вызывало негативные реакции у большинства, порой даже находило позитивный отклик, как это можно увидеть на примере ряда достаточно эксцентричных святых [18].

В то время как Ф. Граус позиционировал проблематику маргинальных групп в социально-экономических кризисных проявлениях Позднего средневековья, то В. Хартунг (W. Hartung) пытался прежде всего включить в дискуссию теоретический анализ французских исследователей менталитета. На первый план он выдвигал связанное с бродяжничеством существование нищих и бедных, то есть лиц, лишённых как крова, так и родины [16; 17; 18].

Одновременно с В. Хартунгом Э. Шуберт (E. Schubert) документально подтвердил, что шванки в качестве почти неизученных источников для характеристики условий социального существования маргинальных групп предоставляют важную информацию о менталитете бродячих групп [50; 52].

Изданная в 1984 году работа Ф. Ирзиглера (F. Irsigler) и А. Лазотты (A. Lasotta) «Нищие и шарлатаны, проститутки и палачи» хотя и относится к одному городу, Кёльну, но приобретает наглядный характер в результате включения ранее неопубликованных архивных документов и дифференцированного изучения гетерогенных групп и отдельных лиц [22].

Данными работами, по сути, было начато исследование маргинальных групп, которое затем было углублено и расширено изданием сборника под редакцией профессора Б.-У. Хергемёллера (B.-U. Hergemöller) и его последующих доработанных изданий 1994 и 2001 годов [20]. Однако параллельно понятие

«маргинальная группа» в различных отдельных исследованиях и рецензиях постоянно заново ставилось под вопрос. Это привело к тому, что в результате не остался практически ни один из указанных в данном контексте круг лиц, которого не затронула бы попытка исключить его из круга «маргинальных групп» [25; 15; 39].

История **проституции** в средневековье фактически до конца 80-х гг. опиралась на работу И. Блоха (I. Bloch) [9], и была переосмыслена заново в исследованиях Питера Шустера (P. Schuster) (1992), Беаты Шустер (B. Schuster) (1992) и Франка Рексрота (F. Rexroth) (1999) [53; 52; 38]. П. Шустер и Б. Шустер попытались различным образом в отношении территории средневековой Священной Римской империи уйти от рассмотрения проституции с точки зрения маргинализации и стигматизации. Оба названия работ «Женский дом» (П. Шустер) и «Свободные женщины» (Б. Шустер) указывают, что целевая установка обеих диссертаций состоит в том, чтобы представить действительность с точки зрения соответствующих женщин. В то время как П. Шустер скорее делает ставку на краткий обзор, Б. Шустер полемизирует с представителями «макроистории», которые с помощью таких понятий как «формирование», «цивилизация» или «репрессии» пытаются объяснить вторичные изменения. В противоположность этому П. Шустер представляет, что наряду с известными формами признания, которых добились женщины древнейшей профессии в XV веке, также не следует забывать о большом объеме дискриминации, которая реализовывалась в различной форме, в том числе в форме искусственных долгов, посредством которых содержатели борделей пытались работающих у них женщин, что называется, в буквальном смысле раздеть до рубашки [53; 52].

Важным дополнением к этому являются исследования А. Реверхонса (A. Reverchons) и Ф. Рексрота. Первый доказывает, что также следует учитывать широкое противодействие общей, основанной на августиновской теории меньшего зла политике терпимости. Так город Мец уже в XIII веке предпринял действия с целью ограничения продажной сексуальности путём письменных предписаний и постановлений [37]. Ф. Рексрот, наоборот, пытается на широкой базе источников ввести характеристику «анти-общества» потаскух, сводниц и сводников, а также содержателей борделей в Лондоне периода Позднего средневековья в ходе реконструкции действий городских властей и менталитета городской верхушки и населения [38].

В отношении **повитух** спор ещё окончательно не затих относительно теории Gunnar Heinsohn и Otto Steiger [19]. Они в своём бестселлере «Уничтожение повитух» (1985) выдвинули утверждение, что активизировавшееся в связи с преследованием ведьм преследование повитух к началу нового времени было организовано по демографическим причинам, чтобы устранить знания об абортивной и контрацептивной практике (или ограничить это деятельностью академических врачей) и тем самым повысить рождаемость. Простая табуизация тематики не объясняет тот факт, что гонения на ведьм в новое время во многих городах было направлено также против повитух и подвергало их жизнь большому

рisku. Существующие исследования статуса повитух не достаточно внимания уделяли трём важным, на наш взгляд, причинным факторам: статусу несвободы в период Раннего и Позднего средневековья; зарождающейся конкуренции между повитухами, лишёнными университетского образования, и академически образованными врачами; демонизации магических ритуалов, которые применялись многими повитухами для облегчения родов и защиты новорождённых от злых сил.

Исследования, касающиеся **палачей**, достигли большого прогресса в отношении социальной истории палачей и живодёров. Г. Вирбельц (G. Wilberz) [57; 58] провела детальное изучение архивных источников, касающихся палачей в Северной Германии, из которого следует, что данная малочисленная профессиональная группа была лишена многих прав полноправного бюргерства и, прежде всего пассивного избирательного права и возможности быть принятыми в цех. Однако она подчёркивает, что палачи в этом регионе не были стигматизированы. С большой тщательностью кроме того она реконструировала связи между семьями палачей, которые в раннее новое время превратились в настоящие внутригородские «династии». Но в классическом взаимодействии причины и следствия она придерживается утверждения, что запрет на брак, который лежит в основе эндогамного поведения, следует понимать не как следствие принудительных мер социального исключения, а как добровольный процесс сохранения и умножения имущества.

В. Шеффкнехт (W. Scheffknecht) напротив показывает на примере Форальберга (Voralberg), что оба аспекта, представления повседневной жизни и негативные предрассудки и предписания в отношении палачей, хорошо сочетаются друг с другом [45; 46]. Данное региональное сравнение показывает также, что «маргинальные группы» не поддаются обобщающему рассмотрению, что формы стигматизации и маргинализации подвергаются значительным региональным и временным колебаниям.

Под понятием «**бродячий народ**» в Средневековье Э. Шуберт (E. Schubert) объединяет гетерогенные группы странствующих, не оседлых шпильманов, жонглёров, танцовщиц, бродячих священников и школяров, паломников и мошенников-трюкачей, потаскух, нищих и карманных воров, бродячих паяльщик и знахарей-шарлатанов [50]. Он с помощью многочисленных примеров и рассказов достигает углублённого понимания исторической повседневности данных групп, которая проявляется на различных уровнях социальной деятельности и культуры. При этом он руководствуется тезисом, что бродячие группы подвергались маргинализации не в Средневековье, а только в ходе социально-культурных процессов в период Нового времени, если они не сумели обеспечить себе путём специализации и профессионализации соответствующие позиции в абсолютистском государстве, основанном на правопорядке и трудовой морали. С таким пониманием медиевистической теории маргинальных групп связана опасность создания слишком резкого контраста между Средневековьем и новым временем и релятивирования отношений угнетения и дискриминации до

1500. В своей статье «Чужак в нижнесаксонских городах Средневековья» Э. Шуберт характеризует также меры, при помощи которых Хильдесхайм и другие городские коммуны изгоняли из своих стен чужих нищих, шпильманов и мошенников [49]. В понимании Э. Шуберта вердикт бесчестности распространялся на тех городских жителей, занятых в сфере услуг, которые не обладали правом городского гражданства и его не получали: арбалетчики, лекари-хирурги, повитухи, посыльные, жестянщики, палачи, производители хмеля, маслобойщики, живодёры, писари, наёмники, конюхи, привратники, часовщики (хранители часов на башне ратуши), стражники, каменщики.

В новых немецких исследованиях, касающихся **прокажённых**, представлено мнение о том, что прокажённые не были полностью изолированы и исключены из социального взаимодействия [28; 6]. Вместо «маргинальной группы» больных лепрой следует скорее говорить об «исключённых», а именно о таковых, которые были тесно связаны с общиной и получали довольно неплохой уход, что даже здоровые просили о принятии в лепрозории. При выборе формулировки названия своей диссертации о госпитальном деле в Мюнстере «Между постом и пиром» Б.Круг-Рихтер (B. Krug-Richter) внушает исключительно позитивное: посты полезны, а пиры являются роскошью. Однако такой подход ретуширует тот факт, что средневековые лепрозории не являлись санаториями, а прежде всего были местами социальной изоляции, ограничения личной дееспособности и применения религиозных принудительных практик. Прокажённые также не были защищены от физического преследования и демонизации.

Новые исследования **преследований ведьм**, которые связаны с именами Евы Лабови (E. Labouvie), Андреаса Блауэрта (A. Blauert), Райнера Вальтца (R. Walz) и Вольфганга Берингера (W. Behringer), концентрируются на изучении развития теологического стереотипа ведьмы, фантома дьявольски блудливой колдуньи, этапов преследований в начале XV века, а также на представлении обстоятельств возникновения «Молота ведьм» [29; 30; 31; 7; 8; 54; 55; 56; 1; 2; 3; 4; 5; 14]. Однако, при этом такие проблемы как, вязь ведовских процессов с исследованием маргинальных групп, в частности вопрос о реальности бытовой магии и народных суеверий, о точках пересечения между маргинальностью и «ведьмами», а также о различных селективных критериях преследователей ведьм, всё ещё не разработаны в достаточной степени.

На основании исследований о средневековых **«содомитах»** [32; 35; 36; 47; 21; 59], к которым обогатились в последние годы авторы многочисленных отдельных работ, можно представить общую картину преследований и повседневности гомосексуальных мужчин в средневековых крупных городах. Источники подтверждают мнение о том, что в крупных городских коммунах могли образовываться ранние формы внутренней группировки, которые существенно отличались от стереотипа о криминальных лицах в особой степени подверженных преступному греху.

Благодаря всем данным исследованиям изучение феномена марганализации буквально в течение нескольких лет вышло из своего историографического

маргинального состояния и оказалось в центре исторического интереса. Интенсивные дискуссии о понятии «маргинальной группы» показали, что маргинализированных, называют ли их «обесчещенными», «группами риска» или «особыми группами», можно обнаружить в различной терминологии и с различными негативными восприятиями почти во всех известных цивилизованных обществах. Так как маргинальные группы являлись частью позднесредневекового общества, то они должны также изначально интегрироваться в изучение иерархически организованных и генеалогически друг с другом связанных городских групп, а специфический феномен лишения чести и стигматизации требует теоретических установок и методических объяснительных моделей, которые не могут быть просто позаимствованы из фонда критически-герменевтических и социально-исторических дисциплин.

1. Behringer W. „Erhob sich das ganze Land zu ihrer Ausrottung...“. Hexenprozesse und Hexenverfolgungen in Europa // Hexenwelten. Magie und Imagination. Hrsg. R. van Dülmen. Frankfurt am Main: Fischer Taschenbuch Verlag, 1987. S. 131-169.
2. Behringer W. Erträge und Perspektiven der Hexenforschung // Historische Zeitschrift (HZ). Bd. 249. München: Oldenbourg Wissenschaftsverlag, 1989. S. 619-640.
3. Behringer W. Hexen. Glaube. Verfolgung. Vermarktung. München: C. H. Beck-Verlag, 1998. 115 S.
4. Behringer W. Hexen und Hexenprozesse in Deutschland. München: Dtv-Verlag, 1993. 524 S.
5. Behringer W. Hexenverfolgung in Bayern. Volksmagie, Glaubenseifer und Staatsräson in der Frühen Neuzeit. München: Oldenbourg-Verlag, 1987. 533 S.
6. Belker-van den Heuvel J. Aussätzige. “Tückischer Feind” und “Armen Lazarus”// Hergemöller, B.-U. Randgruppen der spätmittelalterlichen Gesellschaft. Wege und Ziele der Forschung // Randgruppen der spätmittelalterlichen Gesellschaft. / Hrsg. von B.-U. Hergemoeller. Warendorf: Fahlbusch, 2001. S. 270- 299.
7. Blauert A. Frühe Hexenverfolgungen: Ketzer-, Zauberei- und Hexenprozesse des 15. Jahrhunderts. Hamburg: Junius, 1989. 178 S.
8. Blauert A.. Ketzer, Zauberer, Hexen: Die Anfänge der europäischen Hexenverfolgungen. Frankfurt am Main: Suhrkamp, 1990. 284 S.
9. Bloch I. Die Prostitution. (Handbuch der gesamten Sexualwissenschaft in Einzeldarstellungen) Bd. 1. Berlin: Marcus, 1912. 791 S.

10. Bog I. Wirtschaftliche und soziale Strukturen im säkularen Wandel: Festschrift für Wilhelm Abel zum 70. Geburtstag Bd. 2. Die vorindustrielle Zeit: Außeragrarisches Probleme. Hannover: Verlag M. & H. Schaper, 1974. 307-563 S.
11. Dirlmeier U. Untersuchungen zu Einkommensverhältnissen und Lebenshaltungskosten in oberdeutschen Städten des Spätmittelalters. (Mitte 14.–Anfang 16. Jh.). Heidelberg: Winter. 1978. 620 S.
12. Fischer Th.. Städtische Armut und Armenfürsorge im 15. und 16. Jahrhundert. Göttingen: Schwartz, 1979. 349 S.
13. Graus F. Randgruppen der städtischen Gesellschaft im Spätmittelalter // Zeitschrift für Historische Forschung, 8 Band. Heft 4. Berlin: Duncker & Humblot, 1981. S. 385-437.
14. Harmening D. Hexen. Hinter dem Rand des Christentums // Randgruppen der spätmittelalterlichen Gesellschaft. / Hrsg. von B.-U.Hergemoeller. Warendorf: Fahlbusch, 2001. S. 300-334.
15. Härter K. Bettler. Vaganten. Deviante. Ausgewählte Neuerscheinungen zu Armut, Randgruppen und Kriminalität im frühneuzeitlichen Europa // Ius Commune. Zeitschrift für Europäische Rechtsgeschichte. Bd. XXIII. Frankfurt am Main: Vittorio Klostermann Verlag, 1996. S. 281-321.
16. Hartung W. Die Spielleute. Eine Randgruppe in der Gesellschaft des Mittelalters // VSWG (Vierteljahrschrift für Sozial- und Wirtschaftsgeschichte). Beih 72. Wiesbaden: Steiner, 1982. 108 S.
17. Hartung W. Die Spielleute im Mittelalter. Gaukler, Dichter, Musikanten. Düsseldorf: Artemis und Winkler Verlag, 2003. 366 S.
18. Hartung W. Gesellschaftliche Randgruppen im Spätmittelalter. Phänomen und Begriff // Städtische Randgruppen und Minderheiten (Stadt in der Geschichte 13). / Hrsg. B. Kirchgäßner, F. Reuter. Sigmaringen: Thorbecke, 1986. S. 49-114.
19. Heinsohn G., Steiger O. Die Vernichtung der weisen Frauen: Beiträge zur Theorie und Geschichte von Bevölkerung und Kindheit, Herstein: AREA, 1985. 366 S.
20. Hergemöller B.-U. Randgruppen der spätmittelalterlichen Gesellschaft. Wege und Ziele der Forschung // Randgruppen der spätmittelalterlichen Gesellschaft. / Hrsg. von B.-U.Hergemoeller Warendorf: Fahlbusch, 2001. S.1-57.

21. Hergemöller B.-U. Sodomiter. Erscheinungsformen und Kausalfaktoren des spätmittelalterlichen Kampfes gegen Homosexuelle // Randgruppen der spätmittelalterlichen Gesellschaft. / Hrsg. von B.-U.Hergemoeller – Warendorf: Fahlbusch, 2001. S. 388-431.
22. Irsigler F., Lasotta A. Bettler und Gaukler, Dirnen und Henker. Randgruppen und Außenseiter in Köln 1300-1600 (Aus der Kölner Stadtgeschichte). München: dtv, 1989. 320 S.
23. Jahn J., Hartung W., Eberl I. Oberdeutsche Städte im Vergleich: Mittelalter und Frühe Neuzeit. Sigmaringendorf: Regio Verlag Glock und Lutz, 1989. 181 S.
24. Jütte R. Abbild und soziale Wirklichkeit des Bettler- und Gaunertums zu Beginn der Neuzeit. Köln: Böhlau, 1988. 274 S.
25. Jütte R. Mythos Außenseiter. Neuerscheinungen zur Geschichte der sozialen Randgruppen im vorindustriellen Europa // Ius Commune. Zeitschrift für Europäische Rechtsgeschichte. Bd. XXI. Frankfurt am Main: Vittorio Klostermann Verlag, 1994. S. 241-266.
26. Jütte R. Obrigkeitliche Armenfürsorge in deutschen Reichsstädten der frühen Neuzeit. Köln: Böhlau, 1984. 399 S.
27. Karstedt S. Soziale Randgruppen und soziologische Theorie// Stigmatisierung 1. Zur Produktion gesellschaftlicher Randgruppen. Hrsg. M. Brusten, J. Hohmeier. Darmstadt: Luchterhand Verlag, 1975. S. 169–196.
28. Krug-Richter B. Zwischen Fasten und Festmahl: Hospitalverpflegung in Münster 1540 bis 1650. Stuttgart: Steiner, 1994. 367 S.
29. Labouvie E. Hexenforschung als Regionalgeschichte. Probleme, Grenzen und neue Perspektiven // Hexenverfolgung und Regionalgeschichte. Die Grafschaft Lippe im Vergleich. Hrsg. von Wilbertz G., Schwerhoff G., Scheffler J. (Studien zur Regionalgeschichte 4. Beiträge zur Geschichte der Stadt Lemgo, Bd. 4.). Bielefeld: Verlag für Regionalgeschichte, 1994. S. 45-60.
30. Labouvie E. Männer im Hexenprozess. Zur Sozialanthropologie eines „männlichen“ Verständnisses von Magie und Hexerei // Geschichte und Gesellschaft (GG). Bd. 16. Göttingen: Vandenhoeck & Ruprecht, 1990. S. 56-78.
31. Labouvie E. Zauberei und Hexenwerk: ländlicher Hexenglaube in der frühen Neuzeit. Frankfurt am Main: Fischer-Taschenbuch-Verlag, 1993. 302 S.

32. Limbeck Sv. "Turpitude antique passionis". Sodomie in mittelalterlicher Visionsliteratur // Visio Edmundi monachi de Eynsham. Interdisziplinäre Studien zur mittelalterlichen Visionsliteratur. Hg. v. T. Ehlen, J. Mangei und E. Stein. Tübingen: Günter Narr Verlag, 1998 (ScriptOralia 105). S. 165-226.
33. Lindgren U. Bedürftigkeit, Armut, Not. Münster: Aschendorf, 1980. 264 S.
34. Nauck Th. Aus der Geschichte der Freiburger Wundärzte und verwandter Berufe. Freiburg: i. Br., Zimmer, 1965. 146 S.
35. Puff H. Die Sünde und ihre Metaphern. Zum *Liber Comorrhianus* des Petrus Damiani // Forum Homosexualität und Literatur. H. 21. Siegen, 1994. S. 45-77.
36. Reinle Chr. Das mittelalterliche Sodomiedelikt im Spannungsfeld von rechtlicher Norm, theologischer Deutung und gesellschaftlicher Praxis // Rechtsverständnis und Konfliktbewältigung. Gerichtliche und außergerichtliche Strategien im Mittelalter. Hg. von St. Esders. Köln-Weimar-Wien: Böhlau, 2007. S. 165-209.
37. Reverchon A., Schneider G. Die Metzger Rotlichtbezirke. Zur Geschichte der Prostitution im späteren Mittelalter (13.-15. Jahrhundert) // *Liber Amicorum necnon et amicarum* für Alfred Heit. Beiträge zur mittelalterlichen Geschichte und geschichtlichen Landeskunde (Trierer Historische Forschungen 28). Hrsg. von F. Burgard u.a. Trier, 1996. S. 203-221.
38. Rexroth F. Das Milieu der Nacht. Obrigkeit und Randgruppen im spätmittelalterlichen London. Veröffentlichungen des Max-Planck-Instituts für Geschichte. Göttingen: Vandenhoeck & Ruprecht, 1999. 450 S.
39. Rexroth F. Mediävistische Randgruppenforschung in Deutschland // Mittelalterforschung nach der Wende 1989. Historische Zeitschrift. Hrsg. Borgolte M. Bd. 20. München: Oldenbourg Verlag, 1996. S. 427-451.
40. Sachsse CH., Tennstedt F. Bettler, Gauner und Proleten Armut und Armenfürsorge in der deutschen Geschichte. Ein Bild-Lesebuch, Reinbek: Rowohlt 1983. 304 S.
41. Sachsse CH., Tennstedt F. Geschichte der Armenfürsorge in Deutschland. Vom Spätmittelalter bis zum 1. Weltkrieg. Bd.1. Stuttgart: Kohlhammer 1980. 364 S.
42. Salmen W. Die soziale Geltung des Musikers in der mittelalterlichen Gesellschaft // *Studium Generale*. Bd. 19. Springer Verlag, 1966. S. 92-103.
43. Salmen W. Beruf: Musiker. Verachtet, vergöttert, vermarktet. Eine Sozialgeschichte in Bildern. Kassel [u.a.]: Bärenreiter [u.a.], 1997. 231 S.

44. Salmen W. Tafelmusik im hohen und späten Mittelalter. Tafelmusik im hohen und späten Mittelalter // Atti del VII Convegno di Studio „Spettacoli conviviali dall'antichità classica alle corti italiane del“. Viterbo: Agnesotti, 1983. S. 171–194.
45. Scheffknecht W. Scharfrichter. Eine Randgruppe im frühneuzeitlichen Vorarlberg. Konstanz: Universitätsverlag, 1995. 255 S.
46. Scheffknecht W. Scharfrichter. Vom römischen carnifex bis zum frühneuzeitlichen Staatsdiener // Randgruppen der spätmittelalterlichen Gesellschaft: Ein Hand und Studienbuch. Hrsg. von Hergemöller B. – U. Warendorf: Fahlbusch, 2001. S.122-172.
47. Schneider-Lastin W., Puff H. "Und solt man alle die so das tuend verbrennen, es bliben nit funffzig mannen jn Basel". Homosexualität in der deutschen Schweiz im Spätmittelalter // Lust, Angst und Provokation: Homosexualität in der Gesellschaft. Hg. Puff H. Göttingen-Zürich: Vandenhoeck & Ruprecht, 1993. S. 79-103.
48. Schreier-Hornung A. Spielleute, Fahrende, Aussenseiter: Künstler der mittelalterlichen Welt. Göppingen: Kümmerle, 1981. 224 S.
49. Schubert E. Der Fremde in der niedersächsischen Städten des Mittelalters // Niedersächsisches Jahrbuch für Landesgeschichte. Hannover: Hahnsche Buchhandlung. BD 69. S. 1-44.
50. Schubert E. Fahrendes Volk im Mittelalter. Bielefeld: Verlag für Regionalgeschichte, 1995. 497 S.
51. Schubert E. Mobilität ohne Chance. Die Ausgrenzung des fahrenden Volkes // Städtische Gesellschaft und soziale Mobilität. München: Oldenburg, 1988. S. 113-164.
52. Schuster B. Die freien Frauen. Dirnen und Frauenhäuser im 15. und 16. Jahrhundert. Frankfurt-Main-New York: Campus Verlag, 1995. 511 S.
53. Schuster P. Das Frauenhaus: städtische Bordelle in Deutschland (1350-1600). Paderborn: Schöningh, 1992. 238 S.
54. Walz R. Hexenglaube und magische Kommunikation im Dorf der frühen Neuzeit. Die Verfolgungen in der Grafschaft Lippe. (Forschungen zur Regionalgeschichte, Bd. 9.) Paderborn: F. Schöningh, 1993. 546 S.
55. Walz R. Der Hexenwahn im Alltag. Der Umgang mit verdächtigen Frauen // Geschichte in Wissenschaft und Unterricht (GWU). Bd. 43. Seelze - Velber: Friedrich Verlag, 1992. 157-168.

56. Walz R. Hexenwahn vor dem Hintergrund dörflicher Kommunikation // Zeitschrift für Volkskunde. Bd.82. Stuttgart: Verlag W. Kohlhammer 1986, S. 1-18;

57. Wilberz G. Scharfrichter und Abdecker. Aspekte ihrer Sozialgeschichte vom 13. bis zum 16. Jahrhundert // Randgruppen der spätmittelalterlichen Gesellschaft: ein Hand- und Studienbuch. Hrsg. von B.-U. Hergemöller. Warendorf: Fahlbusch, 1994. S. 121-156.)

58. Wilberz G.. Scharfrichter und Abdecker im Hochstift Osnabrück. Untersuchungen zur Sozialgeschichte zweier "unehrlicher" Berufe im nordwestdeutschen Raum vom 16. bis zum 19. Jahrhundert. Dissertation. Osnabrück: Wenner, 1979. 386 S.

59. [Электронный ресурс], режим доступа: <http://www.hergemoeller.de/bio-bibliographie-1990.shtml>, дата доступа: 17.03.2012.

РЕПОЗИТОРИЙ БГПУ